

Владимир Николаевич Шеменив родился в 1962 году в селе Чернава Липецкой области. Окончил Воронежский государственный технологический институт. Работал в газетах «Молодой коммунар», «Вечерняя газета», «Труд»-Черноземье», «АиФ»-Черноземье». Публиковался на сайте «Православие.ру», в журнале «Подъём». Автор нескольких книг прозы, трех романов, один из них — «Варяг не сдаётся» (о событиях 1904–1905 гг.) — вышел в издательстве «Эксмо» в 2015 г. Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Владимир Шеменив

КАК БУБЛИКОВ ОРДЕН ПОЛУЧИЛ

Рассказ в четырех частях

Где-то в степи, лето 1941 года.

ЧАСТЬ 1. БУБЛИКОВ

По степи, треща сухотравьем, шел боец Красной Армии Бубликов — невысокий, щуплый юноша-интеллигент в очках, с прыщеватым лицом, стриженный под ежа. На солдатике кулем сидела выгоревшая на солнце гимнастерка, а вот штаны и армейские ботинки были впору, хотя обмотки заметно поистрепались. На ремне, кроме фляги с горячей водой, висели два пустых подсумка из-под патронов, за спиной на отвисших лямках ерзал вещмешок с пачкой горохового супа, там же лежали две гранаты и... и все... «Все, что могу», — сказал старшина хоззвода, снаряжая бойца в путь.

Единственную обойму на пять патронов Бубликов расстрелял накануне в какой-то ночной атаке, а, учитывая критичность сложившейся ситуации, так как они были в окружении, никто последним патроном с Бубликовым делиться не захотел.

Янтарная звездочка на пилотке салютовала солнцу, а винтовка Мосина, висевшая на плече, вспарывала штыком редкие кучевые облака. Шел боец не на восток, а на запад, навстречу не передовым, а вспо-

могательным частям Вермахта. Фронт укатил на восток, к Днепру, и здесь по всем законам диспозиции был тыл. Шел Бубликов к заросшей терном, ивняком и камышом степной речушке, через которую был перекинут мост — шаткое, ветхое сооружение из давно сгнивших, обросших грибами бревен. Шел Бубликов с камнем на сердце и осознанием того, что это его последний день.

Он уже был здесь.

Час назад в составе выходящего из окружения штаба полка, а Бубликов служил рядовым во взводе по охране штаба, он вместе со своими отцами-командирами, оторвавшись от немцев, перебежал по скрипящим и стонущим доскам, мелькнул отражением в камышовой заводи и устремился на восток, к рожице, видневшейся на горизонте. И вот теперь он шел от рожицы к тому самому мосту с приказом умереть, но не пропустить врага.

Если смотреть на Бубликова человеку, не облаченному святостью, скажем так, неверующему или маловеру, боец шел один, один-одинешенек, посреди огромной, изнывающей от зноя степи. Но человек этот был вроде как святой: монах или старец какой заметил бы рядом с ним двух бесплотных существ, ангелов хранителей, сопровождавших этого человека и без устали о чем-то болтающих с ним.

В 14 лет Бубликов был крещен по православному обычаю в одном из храмов областного центра средней полосы России буквально за полгода до закрытия того самого храма. Сие событие под патронажем его набожной бабушки свершилось втайне от всех, ибо Бубликова в тот год приняли в комсомол, он выиграл олимпиаду по физике, и сам ректор местного университета сообщил, что ждет его на физфаке сразу после окончания школы, что, собственно говоря, потом и произошло.

Зачислился, отучился, получил диплом, устроился на кафедру, выбрал тему, сел за кандидатскую — а тут война. Вручили повестку, одели форму, постригли, побрили, привели к присяге, выдали винтовку, и в полк. Думал, повезло, что в охрану штаба попал, да не угадал.

Шел Бубликов, словно в штаны наложил, такая тягомотина была на душе, а тут еще эти двое пару поддают, не умолкают. «Пристали, как репы, и не отцепятся, ну вот зачем человеку такие попутчики, ежели от них одно расстройство», — думал боец Красной Армии, разглядывая показавшиеся впереди исполинские ивы — путевые ориентиры, росшие недалеко от моста, к которому он и шел.

Весь разговор с ангелами сводился к вопросам и ответам в форме упреков и перепалки, что впрямую влияло на настроение Бубликова, а настроение и так у него было паршивое.

Ангел 1: Ну что, влип очкарик!

Бубликов: Как скажете, добрые ангелы.

Ангел 1: Да тут и говорить нечего, факт, налицо... Твой-то на восток, небось, ушли?

Бубликов: Может, и ушли, добрые ангелы.

Ангел 2: А тебя оставили?

Бубликов: Оставили, добрые ангелы.

Ангел 2: А зачем?

Бубликов: Прикрыть выход штаба полка из окружения, вступить в бой и по возможности на сутки или более задержать врага.

Ангел 1: На сколько?

Бубликов: На сутки.

Ангел 1: С одной гранатой?

Бубликов: С двумя.

Ангел 1: Вторая без запала.

Бубликов: Сука!

Ангел 2: Это он о ком?

Ангел 1: Старшину так зовут.

Ангел 2: Я вот думаю — миссия на сто процентов невыполнима.

Ангел 1: Зато геройская смерть обеспечена.

Бубликов: Точно. Мне командир так и сказал: «Ты, говорит, Бубликов, костыми ляг, и не думай... Не думай, говорит, что мы забудем тебя. Родина героев не забывает. Ты только дай нам до Днепра дойти».

Ангел 1: А че до Днепра, а че не до Иртыша сразу?

Бубликов: Ну, мне это... так мой взводный сказал.

Ангел 1: Сказал... Тут до Днепра пять дней пешком без остановок. А с остановками все десять. Понял?

Бубликов: Так точно, добрые ангелы.

Ангел 1: Молодец! Вот чего не отнять у тебя, Бубликов, так это исполнительности и жертвенности. Выдай что-нибудь из Устава.

Бубликов: Врагу солнца не погасить, Красную Армию не победить.

Ангел 1: Ты смотри, натаскали... В учебке?

Бубликов: В подсобке!

Ангел 2: Шутит, значит, еще не все потеряно.

Ангел 1: Я вот хотел спросить у тебя, дружище, почему тебя одного послали: без товарищей, без подмоги, без пулемета?

Бубликов: Так это... некому было идти в арьергард.

Ангел 1: Что значит некому... Я на поляне человек тридцать насчитал.

Бубликов: Я не знаю... Командир полка сказал, нет достойных, кроме...

Ангел 2: Кроме тебя.

Бубликов: Ну, вроде того...

Ангел 1: Да уж. Как кашу жрать да ордена получать... все тут как тут. А как Родину защищать — один Бубликов. Вот давай считать: командир полка, замкомандира полка, два помощника (один по тылу, другой по личному составу), адъютант, начальник штаба полка, делопроизводитель, политрук, замполитрука, начальник хозяйственной части, командир музыкального взвода, командир взвода охраны, командир медчасти, начальник связи, редактор...

Ангел 2: А этот откуда?

Ангел 1: Прибился вчера. Кстати, самый прожорливый. Все сухари поел. Лично видел. А теперь считаем. Пятнадцать рыл офицеров: от лейтенанта до полковника. Дальше — сводный рядовой и сержантский состав из музвзвода и хозвзвода с поварами, хлеборезами и раздатчиками, пара связистов, санитар и ты — единственный стрелок взвода охраны. Итого: тридцать человек. А из всего воинства выбрали тебя, студента-физика, не имеющего никакого представления о войне. Как это понимать?

Бубликов: Я не знаю... Вышло как-то.

Ангел 1: Вышло у него... ты давай, рассказывай, с чего все началось.

Ангел 2: Напряги извилины! Пошевели мозгами. Разгони туман памяти. Подумай и доложи, как положено, по Уставу.

Бубликов: Так точно, товарищи ангелы! Дело было так. В спешке перейдя мост, к которому я сейчас направляюсь, мы, ну, я имею ввиду штаб полка...

Ангел 1: Это мы поняли... Ты по сути излагай.

Бубликов: Бегом достигли рощи, где наткнулись на немецких мотоциклистов, отдыхавших у родника. Их было четверо при двух мотоциклах. А так как я бежал шустрее всех, то я первым на них и налетел, а налетев, не растерялся и метнул гранату с криком: «Лягай, гадина!» Правда, я забыл выдернуть чеку.

Ангел 1: И вы их победили!

Бубликов: Победили. Хотя один успел уехать на мотоцикле.

Ангел 1: Надо же! Тридцать против четверых, и один утек.

Ангел 2: Стреляли хоть в него?

Бубликов: Стреляли, да не попали.

Ангел 2: И это гвардейский стрелковый полк.

Ангел 1: А теперь продолжу я... И решили товарищи командиры послать Бубликова, как самого ловкого и храброго, прикрыть им задницу, чтобы немец с подкреплением, если вернется, а он вернется, не застал бы отдыхающий штаб врасплох. Так!

Бубликов: Все так, добрые ангелы.

Ангел 2: И какие мысли?

Бубликов: Нет у меня мыслей, одни чувства, и те от расстройства.

Ангел 1: Без четко проработанного плана по решению поставленной задачи боец с одной гранатой — обречен.

Бубликов: Тошно, мне добрые ангелы, от ваших слов, тяжело на душе, вот прям горит все внутри.

Ангел 2: Помолись, глядишь, и полегчает.

Бубликов: Я не умею.

Ангел 1: Вот те раз, а еще православный.

Бубликов: Так я комсомолец.

Ангел 1: Одно другому не помеха.

Ангел 2: «Отче наш» знаешь?

Бубликов: Нет.

Ангел 2: Символ веры?

Бубликов: Нет.

Ангел 2: Может, Иисусову молитву?

Бубликов: Нет.

Ангел 1: Слушай, Бубликов, а чему тебя Лаврентьевна научила, бабка твоя?

Бубликов: Креститься.

Ангел 1: Вот и крестись, и приговаривай: «Господи, помилуй», а мы пока покумекаем, как тебе помочь. Так ведь, брат ангел?

Ангел 2: Так, брат!

Бубликов: Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй...

ЧАСТЬ 2. НЕМЦЫ

Вдоль реки по низменному берегу метров на пятьсот растянулась вставшая на отдых колонна из танков, бронетранспортеров, грузовиков, оружейных тягачей, мотоциклов, штабных автобусов и офицерских кабриолетов.

Для немецких офицеров натянули шатры и поставили мангалы, на которых аппетитно шкворчали баварские сардельки, доставленные специально из Германии по поводу успешной войсковой операции. Офицеры в вальяжных позах, в галифе с подтяжками через голые торсы, сиде-

ли в походных креслах в тени брезентовых навесов, наслаждаясь летним днем, настоящим бразильским кофе и швейцарским шоколадом.

Рядовой и унтер-офицерский состав плескался в реке, которая возмущенно кипела от обилия непристойно обнаженных тел, брызгающихся, фыркающих, плюющихся, сморкающихся.

Возле моста река изгибалась, образуя длинную песчаную косу, на которой и расположились фрицы — егеря одной из частей, удерживающих крышку Уманского котла. Отбив несколько атак разрозненных, уставших, измотанных, голодных, без боезапаса и горючки частей 2-го мехкорпуса русских, фрицы решили расслабиться, посчитав себя полубогами, способными манипулировать временем и событиями. По их мировосприятию, вере в собственную непогрешимость и в гений фюрера, ничто не могло остановить немецкую армию, всеразрушающим катком катящуюся на восток.

И так уж устроен мир, по воле Божьей, что гордыня и надменность, при всей немецкой педантичности, соседствует с беспечностью, а то и безалаберностью.

Как говорят на Руси: «И на старуху бывает проруха».

На мосту стоял бронетранспортер с полными баками горючки, с полным боекомплектом для двух пулеметов MG-34, открытыми дверями и без экипажа.

В сотне метрах от немецкой резвящейся колонны в степной балке среди пыльного разнотравья и острой, как нож, осоки, лежало полторы сотни человек. Все в черных, грязных, замызганных комбинезонах, пыльных кирзачах, в сдвинутых на затылок, зажатых в руках или натянутых по самые брови танковых шлемах. Лежали бойцы со стиснутыми от злости зубами. Из оружия — в основном пистолеты, десять винтовок и пара шмайссеров. Сто пятьдесят человек, при двух генералах и бригадном комиссаре — все, что осталось от 2-го механизированного корпуса за две недели непрерывного степного прорыва.

ЧАСТЬ 3. ПЛАН «Б»

Степь, она и есть степь — голая равнина с пересохшими ручьями, пылью, скрипящей на зубах, духовитым запахом чабреца и вечно голубым, без туч и облаков небом, в котором коршунами кружили немецкие самолеты, выискивая добычу.

Ангел 1: Сели, сели, все сели... Да сядь ты! Вот здесь за кустиком и поговорим. Ну, куда ты тянешься, пригнись, замри.

Бубликов: Что там? Я плохо вижу.

Ангел 2: Немцы.

Бубликов: Немцыыы?

Ангел 2: Ты еще спроси, откуда.

Бубликов: Опоздал, значит...

Ангел 1: Как сказать, может, как раз вовремя пришел. Короче, у нас для тебя, крестник, есть предложение вполне исполнимое, но малоперспективное.

Бубликов: Я в плен не пойду.

Ангел 2: Понимаешь, Бубликов, плен вещь не предсказуемая, это как в ад попасть, только земной. Одно радует, время на земле конечно.

Бубликов: А там, в небе, у вас как со временем?

Ангел 1: Ты же учил высшую математику и должен представлять себе, что такое бесконечная величина.

Бубликов: Представляю.

Ангел 1: Вот и славно, а теперь о деле. Видишь, вон там бронетранспортер на мосту стоит.

Бубликов: Где?

Ангел 1: Да сядь ты.

Бубликов: Я же очкарик.

Ангел 1: Обиделся?

Бубликов: Конечно. Целый час только и долбите: очкарик, очкарик.

Ангел 1: Не, ну, а если ты, и правда, очкар... в очках.

Ангел 2: Перед смертью надо со всеми помириться и всех простить. Такие правила.

Бубликов: Обязательно?

Ангел 1: Без этого никак.

Ангел 2: Понимаешь, крестник, душа имеет вес, а грехи — это гири. Ну, что мириться будем?

Бубликов: Будем!

Ангел 1: Так вот! В бронетранспортере никого нет. Там два пулемета. Садись за один из них — стреляешь, пересаживаешься на место водителя — заводишь, рулишь и давишь гадов. Потом опять за пулемет. И так два — три раза, пока они не очухаются.

Бубликов: А потом?

Ангел 1: А потом геройская смерть в объятый пламенем боевой машине.

Бубликов: План отпадает. Я водить не умею.

Ангел 2: Молитв не знает, патронов нет, водить не умеет. Ну и что делать будем?

Ангел 1: Может, план «Б».

Бубликов: Это еще что?

Ангел 1: Запасной план на случай провала плана «А».

Бубликов: Валяйте... Только еще раз разу говорю, я в плен не пойду. Лучше подорву себя гранатой.

Ангел 1: Если чеку не забудешь вытащить.

Бубликов: Да уж не забуду.

Ангел 2: Запомни Бубликов — самоубийство — это смертный грех.

Бубликов: Вот что меня напрягает в наших с вами отношениях, так это сплошные ограничения.

Ангел 1: Так все же для твоего спасения.

Бубликов: Что-то я его пока не вижу. Там сколько немцев, человек триста?

Ангел 2: Пятьсот восемьдесят восемь, если быть точным.

Бубликов: А я один.

Ангел 1: Почему один. А мы?

Бубликов: Демагогия — набор ораторских и полемических приемов и средств, позволяющих ввести народ в заблуждение и склонить его на свою сторону с помощью ложных теоретических рассуждений. Понятно вам, добрые ангелы?

Ангел 1: Куда уж понятней. Нам уйти или все-таки план «Б»?

Бубликов: «Б».

Ангел 1: Ты о чем диссертацию писал?

Бубликов: Волновые колебательные процессы в акустике.

Ангел 1: В акустике... А за основу что брал?

Бубликов: Штурм иудеями Иерихона и влияние трубного гласа на устойчивость крепостных стен.

Ангел 1: Вот с этого и начнем. Если тебя заинтересовала эта тема, значит, ты не станешь оспаривать разрушительное влияние колебаний на статичные объекты?

Бубликов: Не стану.

Ангел 1: Что скажешь про динамичные объекты?

Бубликов: Все зависит от состояния этого объекта, сил воздействия и вектора приложения этих сил на данный объект.

Ангел 1: Или субъект.

Бубликов: Без разницы.

Ангел 1: Теперь о деле! Сейчас ты поднимаешься, берешь винтовку наизготовку, как при штыковой атаке, и бежишь на немцев с криком «ура!»

Бубликов: Я не уверен, что у немцев есть психиатр. И собственно, чем пуля в лоб лучше взрыва гранаты под ногами?

Ангел 2: В данном случае это не будет считаться самоубийством.

Бубликов: Не соглашусь.

Ангел 1: А тут и спорить нечего. Ты же не сам себя убил. Тебя убили.

Бубликов: Хрен редьки не слаще. Побежал-то на них.

Ангел 1: Побежал да побежал. Не факт, что в тебя попадут.

Бубликов: Вы просите меня исполнить роль Иерихонской трубы?

Ангел 2: «О, сколько нам открытий чудных, / Готовит просвещенья дух...» Продолжай!

Бубликов: «... И опыт, сын ошибок трудных, / И гений, парадоксов друг». Ладно, я пошел. Вы там это, если что, похлопочите за меня.

Ангел 1: Декану телеграфируем, маме позвоним, девушке напишем.

Бубликов: Я не о земном, я о небесном.

Ангел 1: Так там вообще без проблем. Героям в рай всегда врата открыты.

Ангел 2: Когда на мост взойдешь, все-таки подумай насчет бронетранспортера, можешь с моста пострелять, ехать не обязательно, ты, главное, кричи. А мы уж поддержим.

Бубликов: Не поминайте лихом.

Ангел 1: Давай. Не прощаемся.

Ангел 2: Кричи громче!

Бубликов забрал из вещмешка только гранаты, посмотрел на ссохшуюся от жары пачку горохового супа и, не завязывая, бросил вещевой мешок в пожухлую траву, сожалея, что в атаку собрался на голодный желудок. «А может, оно и к лучшему, от страха не обделаюсь», — встал, перекрестился по православному обычаю, взял винтовку и пошел, не пригибаясь к реке.

ЧАСТЬ 4. ОРДЕН

— Товарищ генерал. Посмотрите. Кажись, наш боец сейчас немцев облапошит!

Командир корпуса перехватил протянутый ему бинокль. По степи, по ту сторону реки, в их сторону в полный рост шел щуплый паренек лет двадцати трех в очках и винтовкой наперевес. Солдатский ремень прижимал к ввалившемуся животу две противопехотные гранаты. Пилотку, чтобы не соскочила, солдат натянул на уши. Боец шел не спеша, стиснув

зубы, не оглядываясь и не паникуя, шел ровным, уверенным шагом человека, свыкшегося с неизбежной смертью.

Командир видел, как боец взошел на мост, как остановился возле беспечно оставленного бронетранспортера, как долго его разглядывал, а потом взял и нырнул в чрево «адской машины» и вынырнул уже возле пулемета.

Рука командира корпуса машинально расстегнула кобуру, достала наган и подняла его вверх, призывая бойцов к броску.

— Давай, милый, давай, — шептал командир танкистов. — Мы поддержим. Ты только начни.

Генерал повернулся к своим и передал команду: «Стук пулемета — сигнал к атаке!»

— Так точно, — тихо, но четко ответил ему 2-й мехкорпус.

До их ушей долетел далекий одиночный крик: «За Родину, за девушку мою любимую!» Пулеметная очередь, сначала неровная, кашляющая, а потом стабильно-слаженная, похожая на Полет Валькирий, подняла танкистов и с криком «Ура» бросила на ничего не понимающих фрицев.

«Ура!», — кричали ангелы, и их глас был громче Иерихонских труб.

«Ура!», — кричали танкисты, расстреливая ошалевших от ужаса вояк Вермахта.

«Ура!», — орал от радости Бубликов, видя, что не обманули его ангелы.

Не столько треск пулемета и пистолетная стрельба парализовали немцев, сколько многоголосное, стройное, громогласное русское «Ура!», оно катилось по степи лавиной, давя, сминая, вызывая страх и трепет. От него хотелось бежать, прятаться, поднимать руки. Фрицам казалось, что русских тысячи, и они везде.

Три ленты по двести пятьдесят патронов расстрелял Бубликов. По три обоймы сменили танкисты Новосельского в своих пистолетах: кончились патроны, били рукоятками, прикладами, лопатками, кулаками, душили руками, топили, впечатывали в раскаленные мангалы.

Через пятнадцать минут все было кончено.

Командир корпуса прыгнул на бронетранспортер и с трудом отцепил затекшие, оцепеневший руки Бубликова от немецкого пулемета. Генерал сам стащил очкарика с машины, обнял и заплакал. Так они и стояли, пока не подошли бойцы. Командир корпуса снял со своей груди орден Боевого Красного Знамени и лично при всех приколот награду к гимнастерке ничего не понимающего Бубликова.

— Тебя как зовут?

— Бубликов.

— А имя у тебя есть?

— Василий.

— Носи с честью Василий, он твой. Заслужил!